

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*К 100-летию со дня рождения
М. П. Грязнова*

Санкт-Петербург
2002

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**STEPPE OF EURASIA
IN ANCIENT TIMES AND MIDDLE AGES**

Proceedings of International Conference

To the Centenary of Mikhail P. Gryaznov

Book I

St. Petersburg
The Hermitage Publishing House
2002

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Михаила Петровича Грязнова*

Книга I

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2002

группу, отличную от своих непосредственных соседей» [Грязнов, 1952, с. 94].

В круг интересов ученого входили самые разнообразные проблемы: архитектура жилища и реконструкция курганов особого архитектурного сооружения, вопросы демографии и детской смертности, реконструкция семьи. Но главной любовью М.П. Грязнова были металлические изделия. Одним из первых он применил корреляцию и метод вариационной статистики при классификации кельтов [Грязнов, 1941]. Он поразительно чувствовал вещь. Зимой 1954–1955 гг. М.П. Грязнов вел в Эрмитаже семинар, посвященный анализу артефактов и их классификации, и надо было видеть, как преобразилось его лицо, когда он сдвигал очки и брал в руки древний предмет. И сколько он мог рассказать нам о нем, обращая внимание на следы технологии и детали орнамента.

Грязнов-учитель – это особая тема. Учениками Михаила Петровича были археологи Ленинграда, Сибири, Казахстана, Средней Азии. В их числе были крупнейшие андроноведы Г.А. Максименков, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев, И. Кожомердиев,

А. А. Аскарлов, Н.А. Аванесова и другие. М.П. был очень терпелив с нами, никогда не навязывал своего мнения, но несколькими спокойными, всегда доброжелательными замечаниями направлял поиск в нужное русло. Особенно я любила, когда он приглашал меня домой на Васильевский остров, где в огромной коммунальной квартире в двух комнатках жили Грязновы. С полок доставались большие папки, в которых в идеальном порядке хранились старые архивы, рисунки, фотографии. Совсем другими были Грязновы на даче под Петергофом. Домик был украшен бронзовыми фигурами в зверином стиле и окружен прелестным садом, в котором М.П. акклиматизировал сибирские растения. Помню, как он радовался, когда летом 1956 г. впервые расцвели саранки.

Связь учителя с учениками не прерывалась всю жизнь. Все мы, приезжая в Ленинград, обращались к М.П. с просьбой помочь найти аналогию, прочесть статью, подсказать, как лучше копать сложный памятник. Он, подняв очки, рассматривал вещи, рисунки, чертежи и своим тихим голосом давал совет. Его знания и интуиция были огромны, но главное, поразительна была спокойная доброжелательность и готовность помочь.

Л.Д. МАКАРОВ

М.П. ГРЯЗНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ВЯТКИ

С именем выдающегося русского советского археолога Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) мы обычно связываем изучение древностей Сибири, Средней Азии и Казахстана [Аванесова, Кызласов, 1985]. Прикамский регион был затронут ученым лишь отчасти. Так, в годы Великой Отечественной войны М.П. Грязнов, будучи хранителем Эрмитажа, находился в Свердловске вместе с эвакуированными ценностями музея. В 1942 г. он произвел раскопки стоянок палеолита и бронзы на р. Чусовой (Островская стоянка им. М.В. Талицкого и стоянка Бор у д. Верхние Гари) [Щербакова, 1986; Бадер, 1961].

Вятский период в биографии М.П. Грязнова практически неизвестен. Еще при жизни М.П. Грязнов подготовил собранные им материалы для передачи в архив ИИМК, где они и находятся в фонде 91. В папке 20 хранятся материалы о древней Вятке, состоящие из 8 дел, к которым мне не раз приходилось обращаться [Макаров, 1987; 1996; 1998; 1999]. Исследователь находился в Кирове с 1934 по 1937 г., куда был выслан по сфабрикованному «Делу славистов» («Делу Русского музея») на три года в числе значительной части ленинградской интеллигенции, подвергшейся массовым репрессиям [Формозов, 1998]. Здесь он выполнял работы по оформлению

экспозиции в краеведческом музее, а с 1936 г. являлся его старшим научным сотрудником. Михаил Петрович столкнулся с «беспорядком и хаосом, какие царят в краевом музее» и взялся исправить сложившееся положение [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20]. Ему удалось систематизировать коллекции, составить описи, снабдив их каталогом. Изучение музейных фондов позволило ученому определить культурную принадлежность ряда археологических коллекций. Усилиями М.П. Грязнова в музее был открыт отдел древней истории Кировского края, подготовлена первая археолого-антропологическая экспозиция, начато составление археологической карты.

Михаил Петрович неутомимо пропагандировал достижения отечественной науки. В архиве обнаружен, в частности, набросок его статьи «Кировский краевой музей – в помощь школе», где М.П. Грязнов пишет следующее: «В нынешнем году музей дает в помощь школе материал еще по одному источнику знаний – по истории первобытного общества. В музее открыт отдел древней истории Кировского края. Витрины этого отдела пополнены многочисленными предметами различных эпох, обнаруженными на территории Кировского края. Подлинными каменные орудия, сделанные 4000 лет тому назад, бронзовые, железные и костяные орудия труда и

хозяйственного обихода, глиняная и металлическая посуда, кости домашних и диких животных и многие другие предметы наглядно показывают развитие древней техники и хозяйства от каменного ножа охотников-рыболовов до развитой земледельческой культуры с железным топором и использованием силы животных для тяжелых работ. Художественно выполненные скульптором А.В. Виноградовым макеты, рисунки древних погребений, многочисленные предметы вооружения, принадлежности одежды и другие рассказывают, как матриархальные родовые общины с их низким уровнем техники добывающего (охотничь-рыболовецкого) хозяйства, не знающие еще разделения общества на классы, превращаются в патриархальные родовые общины с их частным домашним хозяйством, выделяющиеся из ряда семей с их обособляющимся слоем родовой знати (вожди, старейшины, военачальники), с развивающимся земледелием и скотоводством, рассказывают, наконец, как патриархальный род распадается совершенно самостоятельностью частновладельческого хозяйства и превращается, таким образом, в классовое феодальное общество... Сейчас музей ведет подготовительную работу к развернутому показу последующих этапов развития классового общества вплоть до того момента, когда дальнейшее развитие производительных сил становится в противоречие с классовой структурой общества, взрывает его и ведет к созданию бесклассового коммунистического общества, базой которого в отличие от первобытного коммунизма служит высокоразвитая техника» [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20]. Приведенные из статьи строки показывают уровень той теоретической базы, на которой покоилась официально признанная концепция истории первобытного общества и отклонение от которой не сулило ничего хорошего сомневающимся.

Его статья «Город под землей» свидетельствует о непосредственных полевых наблюдениях ученого во время производства земляных работ в Кирове на территории древнего посада. «В г. Кирове сейчас прокладывается новый водопровод. И вот, в канаве, прорытой вдоль ул. Дрылевского, в том месте, где она пересекает Ленинскую ул., на глубине более 2-х м обнаружилась старинная деревянная мостовая. Эта находка служит нам напоминанием о древнем г. Хлынове... Улицы его кривые, грязные и грязные расположены были в беспорядке и расходились в разные стороны от торговой площади, занимавшей тогда, пожалуй, половину нынешней площади Ст. Халтурина и первые кварталы ул. Дрылевского... На остатках одной из этих улиц и натолкнулись рабочие, прокладывая первый водопровод. Канавой они пересекли бревенчатый настил старой Копанской улицы, которая шла от торговой площади к Никитскому проезду в крепостной стене, окружавшей город с трех сторон. Неприглядная грязь хлыновских улиц особенно обильна

была в районе торговой площади и прилегающих к ней улиц, расположенных в сырой болотистой местности. Там, где обнаружена мостовая, протекал когда-то ручеек, называвшийся Епихов поток. Близ этого ручейка было грязи по-видимому настолько много, что даже невзыскательные обитатели г. Хлынова не могли с ней мириться и вынуждены были замостить этот участок улицы настилом из бревен.

Старый город Хлынов, представлявший собой беспорядочное нагромождение тесно расположенных деревянных построек, несколько раз сгорал почти дотла. После пожаров он снова отстраивался. С годами на поверхности его накопились мощные слои земли, местного толщ до 10 и более метров, состоящей из строительного мусора, углей, золы и других остатков пожаров. Больше всего этих отложений накапливалось в оврагах, ямах и на болотистых местах, куда свозили с пожаров весь ненужный материал. Вот почему открытая на днях древняя мостовая Копанской улицы оказалась глубоко под землей» [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20]. Автор зафиксировал данные наблюдения на планах, набросал стратиграфическую ситуацию в местах обнажения слоя и дал краткое его описание, им был составлен сводный план остатков посадского вала [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20]. Отмеченная М.П. Грязновым стратиграфия культурных напластований древнего Хлынова нашла подтверждение в наблюдениях последних лет на ул. Большевиков, Коммуны, Дрелевского и Свободы в 1983, 1986, 1990 гг., проведенных В.В. Ванчиковым и автором данных строк [Макаров, 1999].

Основательное знакомство М.П. Грязнова с антропологией позволило ему не только собрать значительный костный материал с пяти вятских кладбищ XVII–XVIII вв., затронутых строительными работами, но и произвести половозрастное определение умерших, а на основании 109 черепов выявить черепной указатель. Выяснилось, что среди вятчан преобладают индивиды с брахикранными черепами (72%), мезокранные составляли одну четверть умерших (25%), долихокранные – единицы (3%) [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20]. Данные показатели в значительной степени отличаются от таковых в центральных областях Русского государства и приближаются к сериям удмуртских черепов XVI–XVIII вв., что возможно свидетельствует об участии удмуртского компонента в сложении русского населения Вятской земли [Акимова, 1968; Фаттахов, 1982; Рясик и др., 1996]. Об этом же в какой-то степени говорят и сведения о росте горожан. Жители Вятки отличались невысоким ростом: средний рост мужчин составлял 165 см, женщин – 153 см. Собранный материал на одну треть состоял из костей с явными следами перенесенных болезней (определение проведено при содействии Д.Г. Рохлина, позднее опубликовавшего более полный анализ материала): туберкулеза, рахита, ревматизма, остеомиелита, сифилиса, различных опухолей, а также механических повреждений [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20].

В связи с этим М.П. Грязнов отмечает, что причинами многочисленных болезней и высокого процента смертности являлись теснота и антисанитарное состояние жилищ, топившихся по-черному, а также полное отсутствие врачебной помощи (первый врач в Вятке появился только в 1760 г.) [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20].

Помимо археологических наблюдений М.П. Грязнов проводил в Кирове исторические изыскания. Об этом свидетельствуют выписки из различных публикаций, писцовых книг, а также авторские разработки. Ученым готовилась специальная работа по исторической топографии Вятки «Исторический план города Кирова», состоящая из 10 разделов. Период от основания города до 1666 г. должен был подготовить сам М.П. Грязнов, с 1666 по 1917 г. – П.Н. Луппов, 1917–1937 гг. – ряд авторов. К плану должен был быть приложен указатель архитектурных сооружений города с необходимым справочным аппаратом. Неизвестно, предпринимались ли какие-нибудь попытки издать эту работу объемом в 5 печ. л. [Архив РАН, ф. 91, папка 20]. Частично этот материал нашел свое место в более поздних публикациях П.Н. Луппова (1958) и А.Т. Тинского (1976).

М.П. Грязнов исследовал топографические планы города, сопоставлял их с данными переписей и на этом основании прослеживал динамику развития его в целом, а также отдельных улиц, площадей и переулков, церквей и гражданских каменных зданий, крепостных сооружений и мостов. Особый интерес вызывает попытка ученого проследить генеалогию жителей Вятки. С этой целью он проанализировал переписи 1615–1717 гг., а затем, составив в алфавитном порядке список домохозяев и наложив их на планы города, представил схему расселения отдельных семей в пределах Хлынова. К сожалению, эта интереснейшая работа, практически не имеющая аналогов в историографии Вятского края и поэтому способная дать чрезвычайно важные результаты как в области социодемографии, так и относительно конкретных вятских фамилий, не была завершена. Все эти изыскания отразились в составлении ученым карточек, списков и копий [Архив ИИМК РАН, ф. 91, папка 20].

Таким образом, выдающийся русский советский археолог М.П. Грязнов внес свой весьма заметный вклад в изучение древнейшего прошлого Вятской земли.

В.М. МАССОН

О ТРЕХ ЭПОХАХ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

М.П. Грязнов известен как опытный полевой исследователь с изящной раскопчной методикой и как проницательный знаток вещи как таковой, обычно именуемой объектом материальной культуры. Вместе с тем, М.П. Грязнов неизменно выходил на уровень исторической интерпретации археологических материалов и в попутных характеристиках, и в общих построениях. Достаточно назвать введенное им понятие «ранние кочевники», получившее практическое признание и применение. Особенности исторических и культурных процессов в степной зоне, на памятниках которой было сосредоточено основное внимание М.П. Грязнова, безусловно требуют учета этой специфики и на интерпретационном уровне, без поспешного использования понятий, выработанных в зоне оседлых культур и цивилизаций, будь то понятие «города» и «урбанизации» или упрощенный формационный подход, заставивший исследователей малорезультативно рассуждать о рабовладельческом характере скифского общества.

Благодаря специфической природной ситуации, обширные просторы евразийских степей стали зоной, где как своеобразная адаптивно-адаптирующая система сло-

жился особый феномен мировой истории – степной образ жизни. В условиях этого своеобразного феномена происходило и культурное, и политическое, и социальное развитие местных обществ. Его проявления в материальной культуре и в интеллектуальной и поведенческой сфере достаточно устойчивы и повторяются с естественным своеобразием во многих обществах, зачастую совершенно различной лингвистической ориентации. Специфичен был и менталитет проживавших здесь народов, когда необходимость в регулярной подвижности и вытекающей отсюда инициативе способствовала развитию коллективной пассионарности в том смысле, какой ей придает Л. Н. Гумилев.

Для древнего времени можно говорить о трех больших исторических эпохах в развитии обществ степной зоны после длительного этапа своего рода протоскотоводческой предыстории, когда шла выработка устойчивых культурно-хозяйственных типов.

Первая такая эпоха приходится на пору палеометалла, достигая апогея в бронзовом веке. Формирование ярких культурных общностей – древнеямной, катакомбной и срубной – позволяет говорить о своего рода эпохе